

**ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
НАЦМЕНЬШИНАМИ УКРАИНЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

В Украине, как и в других постсоветских странах, процесс глобализации совпал с процессом внутренней трансформации социальной системы во всех сферах общественной жизни, что еще более углубило проблему идентичности, так как прежние основы и механизмы идентификации не функционируют. Это может вызывать ощущение социальной потери, психологической травмы и желание ее компенсировать. Это можно считать главной причиной усиления локальных идентичностей (этногеографических) и этнического «ренессанса», именуемого в наши дни как глокализация (термин Р. Робертсона).

Идентичность является одним из самых важных механизмов конституирования личности (автопроектирования). Она является важнейшей экзистенциальной проблемой современности, без решения которой становление личности как субъекта социальных взаимодействий невозможно. Идентичность также выступает базисом построения личностью своих отношений с Другими, «встраивания» личности в социальную реальность. На основе идентичности формируется самосознание личности и этноса. Цель нашей статьи – раскрыть основные механизмы идентичности нацменьшинств современной Украины.

Изучая идентичность, каждая наука опирается на свое видение этого феномена, собственную методологию и методику. В психологии идентичность определяется как осознанное самоопределение социального субъекта. Бристольская школа психологии трактует идентичность как «разделяемое коллективное представление о том, кем является человек и как ему следует себя вести» [1, с. 7]. В социологии идентичность обычно понимается как характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо группе (гендерной, возрастной, экономической, этнической, профессиональной и т.д.). Хотя сегодня это скорее идентичность не с группой, а с конкретной общностью, прежде всего, этнической.

Идентичность приобретает (конструируется) личностью в процессе социализации или инкультурации. Последнее означает приобщение личности не только к культуре своего общества или этноса, но ко всей мировой культуре, поэтому для процесса этнической идентичности Н.А.Шульга предлагает термин «этнизация» как часть процесса инкультурации [2, с. 15]. Обобщая все многообразие научных концепций и интерпретаций идентичности, можно выделить несколько подходов к исследованию процесса идентификации личности [3]:

1. Структурно-функциональный подход. В его рамках изучают структуру идентичности, создают классификации и типологии, сосредотачивая внимание на их иерархии, отслеживая функции идентичности на макро- мезо- та микро- уровнях, выделяют выпуклые, базовые, периферийные и маргинальные идентичности и другие. Современные социологи подчеркивают эвристичный потенциал структурализма и постструктурализма, когда рассматривается значение языка и репрезентаций для идентичностей. [3, с. 288].

2. Ролевые теории трактуют идентичность через категорию принятия конкретной социальной роли, усвоение которой создает соответствующую идентичность. Данный подход критикуется за то, что такая трактовка не оставляет индивиду выбора и формируется только внешними влияниями, лишая его индивидуальности, тем самым и субъектных качеств [См. напр. 3, с. 113, 120 и 4, с. 50]. Однако, мы согласны с Дж. П. Джийстом, который развивая идеи Э. Дюркгейма, считает, что рамки идентичности задает не непосредственно ситуация или роль, а скорее общность—совокупность настоящих или воображаемых людей, с которыми индивид разделяет чувство сходства и общей цели. Быть идентичным значит отождествлять себя с определенной совокупностью других людей, ощущать родство с ними и иметь схожие мысли и взгляды. [5, с. 120 – выделено Л.Е.Ч.].

3. Символический интеракционизм и феноменологический подход опираются на разделение личностной структуры «Я» на «Self» и «me», которую предложил Дж. Мид. В таком случае, идентичности выступают социализированной части "Я" (me) в ее соотношении с самостью (Self) через концепции принятия и индивидуализации роли и интериоризации социальных норм. Феноменологическая концепция сосредотачивается на идентичностях, которые есть, в то же время, условие такого взаимодействия. Идентичность, таким образом, принадлежит к миру смыслов и является продуктом как культуры, так и повседневности.

Концепция ролевой идентичности и теория символического интеракционизма близки, но последняя предполагает активное индивидуальное конструирование роли в рамках жестко

заданных и предписанных моделей поведения, позиций и требований. Мы с этим абсолютно согласны, ролевое исполнение и ролевые ожидания индивидуализированы, принятие роли – это процесс не только внешнего механического ее усвоения, но и осознания себя в этой роли: «Я как жена, мать, коллега...». Внутреннее вживание и переживание своей роли, ее осмысление «что для меня значит быть греком или русским?» отражают внутреннюю картину идентичности. В этом процессе индивид может использовать как традиционные ролевые категории, так и совсем неожиданные, им созданные конструкции. Социальные акторы, по мнению М. Кастельса, конструируют смыслы как основу идентичности на основе культурной особенности (атрибута) или на основе определенного комплекса особенностей, который доминирует над всеми другими источниками смыслов [6, с. 6]. Тем самым, «идентичность организует смыслы, тогда как роли организуют функции» [6, с. 17]

4. Социокультурный подход представлен в работах П.Сорокина, П. Штомпка, Н. Черныш, Е. Ровенчак, Н. Костенко, А. Ручки. Согласно данному подходу, идентичности, по своей сути, являются в основном социокультурным духовным явлением и базируются как типы на ценностях — стержнях культуры [3, с. 40]. Культура каждой общности создает основные рамки для самоопределения индивидов, их самоидентификации, а так же для демаркации границ между «своими» и «другими», потому смена культур всегда проблематизирует и драматизирует процесс идентичности. Поэтому, именно этот подход Н. Черныш и Е. Ровенчак считают наиболее плодотворным для исследования идентичностей современного украинского общества.

Мы в разработке методологии своего исследования «Трансформации этнического самосознания и идентичностей нацменьшинств постсоветской Украины» пытались сочетать структурно-функциональный и социокультурный подходы. Основными критериями или факторами, на основе которых личность строит свою этническую идентичность, чаще всего называют географию (связь с определенной территорией, не обязательно той, где проживают), язык, обычаи, черты национального характера, фольклор, повседневные привычки, примордиальные чувства, религию. Хотя с последним не все просто. Э. Смит отмечает, что этническая и религиозная идентичность имеют много общих черт: они обе происходят от сходных культурных критериев классификации, они часто перекрывают и усиливают друг друга, по отдельности, либо вместе, они могут мобилизовать и поддерживать крепкие общности [7, с. 18]. В Украине религиозная (конфессиональная) принадлежность часто выступает маркером (сигнафикатором) этнической принадлежности, а не отражением религиозности личности. Согласно нашим исследованиям в 90-е гг., критериями этнической идентичности также выступают родословная, история этноса или локальной этнической группы, этническая культура во всех ее компонентах как традиционная так и модерная [8]. В качестве основного метода исследования идентичностей и этнического самосознания нацменьшинств постсоветской Украины мы выбрали качественные методики, а именно – полуструктурированное лейтмотивное личное интервью с представителями трех поколений (квоты по полу и возрасту) каждого этноса. При разработке собственного инструментария мы опирались на методику М.Баррет [см. 9, с. 122-129].

Коль скоро идентичность имеет социальную природу, то рано или поздно осознается и ее конструктивная природа и, следовательно, возможность изменять и модифицировать эту идентичность по своему желанию. Философская традиция содержит два подхода к проблеме идентичности: первый состоит в открытии и утверждении некоей внутренней сущности, которая детерминирует "Я" субъекта, его личность, так называемый эссенциалистский подход. Однако сегодня личность все более склонна к личному культурному выбору и не обязательно своего этноса. Этот выбор имеет обоснование у детей из смешанных семей, у которых в родословной переплелось несколько этнических групп и они принадлежат к нескольким культурам одновременно. Вторая концепция настаивает на социальном характере идентичности, рассматривая ее как совокупность социальных отношений, ролей и функций. Нацменьшинства должны для успешной адаптации осваивать культуру страны проживания, помимо своей собственной. Однако, мы согласны с А. Ручкой, что социокультурные идентичности, привязанности для создания и существования образа «Мы», кроме субъективных признаков, нуждаются в наличии некоего набора объективных, даже врожденных предпосылок [10, с. 7].

Для разграничения двух механизмов идентичности американский антрополог К. Гирц предлагает такие термины: «врожденный образ жизни» и «дух нашей эпохи». Акцент на первой из них означает поиск корней групповой идентичности в местных обычаях, устоявшихся институтах и достижениях общего опыта людей. Акцент на второй означает концентрацию внимания на общие черты современной истории, особенно, на ... общем направлении и весомым

содержанием этой истории [11, с. 281–282]. В отечественной литературе это трактуется как оппозиция «Эссенциализм / конструктивизм». Однако нам кажется такое дихотомическое деление слишком узким. Реальные комбинации идентичностей намного разнообразнее и сочетают в себе разнообразные характеристики. Как пишет А. Ручка, «мешанина эссенциалистских и эпохалистичных элементов наблюдается, прежде всего, в новых странах «третьего мира», которые, с одной стороны, имеют великое и сложное этнокультурное разнобразие, а с другой осуществляют модернизацию основных сфер своей жизнедеятельности» [10, с. 9]. Все относится и к Украине. То есть эссенциалистская и конструктивистская парадигмы должны дополнять друг друга, а не противопоставляться.

Российский социолог Л. Дробижева, считает, что компонентами идентичности являются: А) самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, государственной общности и т.п.); Б) представления о своей группе – «образ мы»; В) интересы, связывающие эмоционально окрашенное отношение к такого рода образам с поведением людей и групп (регулятивная составляющая идентичности) [12, с. 134]. По этому принципу мы и построили Путеводитель интервью.

Со стороны общности, идентификация предстает как приятие, покровительство, защита, охрана тех, кто в нее входит. В уставных документах национально-культурных обществ современной Украины одной из главных задач называется – защита интересов ее членов. Личность, благодаря членству, получает доступ к ресурсам, новые возможности, чувство психологической безопасности, что очень важно для представителей меньшинств. Дженкинс называет такую идентичность «маска» или «зонт» – номинальная идентичность, которая символически выражена в языке [13]. Добавим, что помимо номинальной принадлежности есть и символическая идентичность: в названиях этнической группы, именах и фамилиях, топономических названиях, названиях предметов быта и обихода, значимых для данного этноса, символах культуры, ритуалах, обычаях, костюме или ином атрибуте принадлежности (платки «пиджаб» у мусульманок, православный нательный крестик, талес и кипа у мужчин иудеев и т.д.). Такое практическое проживание и переживание жизни в группе, Дженкинс называет виртуальной идентичностью, что нам кажется не совсем удачным названием. Соучастие в жизни общности, этническое самосознание и чувство принадлежности, реализуемое в практических действиях и коммуникациях, – является вполне реальным. Здесь внешнее дополняется внутренним.

Этнической идентификации и самоидентификации личности присуща большая устойчивость, прочность, нежели для других видов идентичности. Причина в том, что пребывание личности в определенной общности удовлетворяет объективную потребность в принадлежности, по мнению Э.Фромма, врожденную. Да и процесс идентификации с группой, которая происходит в детстве, протекает не абстрактной, в отчужденно-формальной форме, а через эмоциональную связь с близкими людьми, через сопереживание им. «Через сопереживание в раннем онтогенезе осуществляется более эффективная передача системы ценностей, существующей в культуре», подчеркивает Алексеева Н.И. [14, с. 35]. Именно поэтому многие граждане Украины сохраняют прежнюю советскую идентичность или ностальгируют по ней. Это было эмпирически зафиксировано в исследовании 1988-1990 гг. Левинсона и Гудкова «Этносы в СССР», а также нашими исследованиями 1995-1996 гг. и нынешним 2009-2011 гг. Хотя ее влияние уменьшается. В Украине сегодня наиболее страдают от утраты прежнего статуса представители русского этноса. Поскольку новые формы идентичности только создаются – то поиски обращаются в прошлое. Этим можно пояснить столь распространенное сегодня обращение к традиционализму, поиск почвы и опоры для идентичности в традиционной культуре или прежней советской общности.

Одним из новых социальных пространств обретения идентичности, на наш взгляд, являются культурно-национальные общности нацменьшинств, активно появившиеся и развивающиеся в постсоветский период. Именно через них и благодаря им номинальная идентичность, наполняется содержанием и личными смыслами. Они становятся для личности способом «обретения себя» или «возвращения к истокам».

Конструктивистский подход стал основой исследования, представленного в работе «Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга» [15]. Это был первый опыт исследования этнической идентичности на постсоветском пространстве весьма интересный, но сомнения вызывает лишь ограниченность исследования рамками одного мегаполиса для этнических групп, проживающих дисперсно на всем пространстве России (и не только). А также стремление найти для каждой этнической группы свои маркеры, хотя они являются общими для всех этнических групп. У одного и того же этноса критерии идентичности, механизмы ее построения и типы идентичностей могут различаться, поскольку современное общество ушло от

замкнутых не пересекающихся позиций и групп, стало очень подвижным и строится по сетевому принципу. При этом категоризация (внешняя идентичность) и самоидентификация могут не совпадать, пример тому «паспортные» ассимилированные этнические группы в СССР. Возражение также вызывает отнесение этнической идентичности к примордиальным (врожденным связям), а гражданственно-политической к конструируемой идентичности, встречающееся во многих работах. Этническая идентичность включает в себя как объективные признаки, отрефлексированные сознанием индивида, так и конструируемые (привлекательная культура, религия, система ценностей). Развитие этнической идентичности Пиаже рассматривал, прежде всего, как создание когнитивных моделей, ответом на которые являются этнические чувства. Поэтому в структуре этнической идентичности можно выделить когнитивный блок, поведенческий и мотивационно-аффективный. Этническая идентификация меньшинств имеет свои особенности сравнительно с членами большинства. Члены меньшинства демонстрируют большую вовлеченность и основывают свои вне- и внутригрупповые представления (образы «Мы/Они») больше на собственных убеждениях, полученных из первичного опыта, а члены большинства – на абстрактном, вторичном опыте. Восприятие внутри групповых различий уменьшается вместе с размером внутренних групп, что приводит к эффекту однородности во внутренних группах меньшинства. То есть положение меньшинства играет интегрирующую роль и служит мотиватором к формированию идентичности со своей группой. [16].

Для нацменьшинств Украины важным фактором выступают компактность или дисперность проживания, городская или сельская среда обитания. В первом случае (компактного проживания) в узких географических рамках меньшинство нередко становится большинством, потому идентичность здесь имеет ярко выраженный локальный характер и идентичность с местностью сильнее, чем идентичность со страной происхождения. Сельская среда более интегрированная и опирается на традиционалистские компоненты этнокультуры, тогда как городская больше символическая и культура более современная с фрагментами мировой культуры и культуры доминирующей в обществе. Третьим фактором является время пребывания этноса в стране (давние меньшинства или новые). Иммигранты в первом поколении сохраняют больше эмоциональной связи со страной происхождения, чем со страной пребывания, но в последующих поколениях – это может сглаживаться.

Обобщая все вышесказанное, а также проанализировав промежуточные результаты нашего исследования этнического самосознания нацменьшинств Украины, позволим себе предложить собственную концепцию этнической идентичности нацменьшинств. Уже проведено более половины намеченного массива интервью с разными этносами, проживающими на Востоке, Юге и Севере и Западе Украины, что позволило разработать в качестве рабочих гипотез такие идеальные типы идентичности.

1 тип. Ориенталистская (orijental – по происхождению) или «врожденная» идентичность, принимаемая без рефлексии. В литературе ее называют примордиальной или традиционалистской, последнюю мы отнесли бы к второму типу идентичности, хотя в реальности они часто сочетаются. Она выражена в таких ответах на вопрос: «В каком возрасте вы осознали свою этническую принадлежность?» как: «всю жизнь знал/а», «от рождения», «всегда знал/а». В этом случае личность принимает готовые формы и образцы социокультурного поведения не критично в процессе первичной социализации. В вопросах национального характера и мотивации ссылаются «на кровь». На вопрос «Важна ли для Вас Ваша этническая принадлежность?» отвечает: «А может ли быть иначе?», «А как же?», «Конечно». Формированию данного типа идентичности способствует проживание в сельской местности или малых городах в приграничных зонах компактного проживания, где часто меньшинства составляют локальное большинство. Как пишет Ю. Шинкаренко: «если самоидентификация человека происходит в процессе ее социализации (являясь одновременно одним из механизмов последней) и так называемая первичная идентичность присваивается человеком случайно, (А. Бергман, Т. Лукман) — ... по факту ее рождения, то (по крайней мере, на первом этапе) она и есть, по сути, идентичностью окружения этого человека. И даже в дальнейшем развитии эта первичная идентичность со временем играет существенную роль в формировании собственно индивидуальной идентичности» [17, с. 74]. К. Гиртц вводит понятие «примордиальной привязанности»: «данность, которая возникает из рождения в той или иной религиозной общине, говорения на конкретном социальном языке или даже на диалекте языка и следование особым социальным практикам. Человек привязан к своему сородичу, соседу, собрату по вере в результате не просто личной привлекательности, тактичной необходимости, общего интереса или моральной обязанности, но, по крайней мере,

в большой степени по причине некоей необъяснимой абсолютной ценности этой связи самой по себе» [13, с. 109 – выделено мною Л.Ч.]. По результатам социологических исследований Института социологии НАН Украины (2000-2006), около 40% опрошенных считают себе, прежде всего, представителями своего этноса или жителями села, района, города, где они родились и сейчас живут, больше на Востоке Украины. Отсюда можно сделать вывод, что данная стратегия формирования идентичностей, которая учитывает примордиальные культурно-символические коды, занимают весомое место в социализации и инкультурации граждан современной Украины. Но данный тип возможен только у детей, рожденных в мононациональных семьях, а их среди нацменьшинств все меньше, причем, сформировавшись, данный тип формирует установки личности при выборе брачного партнера представителей своего этноса.

2 тип – Традиционалистская идентичность. Так же формируется в период первичной социализации и сегодня чаще встречается в местах компактного проживания нацменьшинств или при тесном контакте в раннем детстве с поколением «дедушек/бабушек». Здесь личность принимает идентичность не по факту рождения или биографию, а через язык, традиции, обычаи культуры принимаемые как свои, внутренние и влияющие на поведение и мышление индивида. Система ценностей этнонациональной традиционной культуры, усвоенная в детстве, принимается не критически, как должное, и сохраняется всю жизнь, особенно, если образ жизни личности не сильно отличается от образа жизни предков, что больше характерно для сельских поселений или малых городов. Причем, здесь культура выступает, прежде всего, в фольклорной и религиозной форме.

3 тип – Культурная избирательность или «приобретенная» идентичность. Именно ее принято называть конструируемой, но на наш взгляд, все типы идентичности конструируются, только личность это не всегда осознает, принимая как данность. Поэтому третий тип мы предлагаем именовать как «Самоидентификацию». Механизмы ее формирования – осознанно принятая идентичность и развиваемая личностью самостоятельно или через институты: этнонациональные громады, школы, досуговые клубы, порой в зрелом возрасте. Это может быть «возврат к истокам или корням» не обязательно антиглобалистского характера, как пишут об этом в литературе после периода добровольной или вынужденной ассимиляции. [См. 18, с. 35-36]. При этом личность ориентируется не на происхождение, а на элементы культуры: язык, религию, литературу, историю не только своего народа, но и культуру, доминирующую в данной местности или модернизованную полиэтничную культуру общества. При этом больше ориентируется на ценности и общности, к которым хочет принадлежать, чем на примордиальные признаки или ритуальные элементы культуры. Этому способствует деятельность этнокультурных организаций а также школьное образование, создавая то «поле возможностей» (П. Бурдые), из которого индивиды черпают ресурсы, способы и стимулы для индивидуального самоопределения. Например: «по происхождению я шваб, но я считаю себя венгром», «мама у меня белоруска, папа – русский, но я считаю себя украинцем, не только из-за гражданства, просто мне нравится украинская культура и Украина». Аналогичные результаты показали исследования российских ученых в крупных городах. В.А. Ядов и Е.Н. Данилова считают, что такие контекстуально-лабильные идентичности становятся нормой само определения личности в социальном пространстве сообществ нового тысячелетия. Именно в этом случае личность становится субъектом идентификационного выбора и присвоения идентичностей, поэтому растет рефлексивность идентичностей и путей их приобретения и изменений. Б.В. Попов называет это эффектом «сингуляризации», обособления от первичной идентичности, которая должна быть преодолена путем дальнейшего вне семейного воспитания, что может преодолеть гетерогенность субъективации через корректировку: приведение к общему знаменателю во время вторичной социализации [19, с. 65]. В результате чего личность может менять свою первичную идентичность на новую. Питер Бергер и Томас Лукман смену идентичности определяют через понятие трансформации. А тотальную трансформацию личности называют альтернативой. Если окружение не принимает новую идентичность, то личность может сменить свое окружение на более приемлемое для себя. Культурный выбор – часто выбор приятной и идеологически близкой среды общения, общности, построение «социальных миров» нового типа. Возрастание гетерогенности социокультурного пространства, вызванное интегративными процессами и миграциями, обуславливает поиск определенных процедур результат двойной структуризации, считает Б.В. Попов [19, с. 61], а у личности формируется двойная или диффузная идентичность.

4 тип идентичности «Диффузная» или размытая идентичность Примером могут выступать такие высказывания респондентов «мне трудно определиться – в моей родословной переплелись

много этносов», «национальность для меня значения не имеет, главное, чтобы человек был хороший», «в моей культуре есть черты моей этнонациональной культуры и культуры советской, русской, украинской и мировой». Механизмы формирования идентичности этого типа: смешанные браки, желание эмигрировать, оторванность от культуры предков, ориентация на прошлое «советскую культуру» или современную «мировую культуру» (глобализм и мода), космополитизм. Последствиями является маргинализация или окончательная ассимиляция, тогда базисной становится надэтническая идентичность. Изменения, происходящие в культуре этнической группы, которая образовалась в результате миграции со своей родины, называются аккультурацией [2, с.123] или аккомадацией [2, с.126] Этим термином определяют специфические изменения, которые не всегда ведут к ассимиляции, растворению этнической культуры в культуре гостевого общества, а к ее трансформации, видоизменению в новых условиях. Однако при этом сохраняется осознание своей этнической принадлежности, осознание членами этнической общности своего единства и единства с другими этническими общностями одной страны (в политологии это названо би-лояльностью). Этнокультурная адаптация является достаточно длительным процессом. Период глубокой этнокультурной аккультурации проявляется через феномен маргинальной идентичности (см.ниже).

5 тип – Фрагментарная или мозаичная идентичность формируется в результате изменений в современном обществе и генерационной мобильности. Как пишут Н. Черныш и Е. Ровенчак, «сужение идентичности делает ее более личностной и такой, которая принадлежит определенным локальным общностям и группам. Простые люди чаще идентифицируют себя с субнациональными культурными или религиозными группами, группами общих традиций и исторических мифов. Фрагментация идентичностей и их множественность мирно сосуществуют в пределах такой группы и во внутреннем мире индивида» [3, с. 46]. Чаще всего встречается в условиях дисперсного проживания нацменьшинств в крупных городах. Как подчеркивает Э.Смит, изменчивая природа этнических границ и податливость – в определенной степени – культурной идентичности членов этноса, приводят к тому, что индивиды, могут ... ощущать на разных уровнях идентификации свою принадлежность одновременно до нескольких этнических общностей. Так же не стоит переоценивать подвижность этнических границ или изменчивости их культурного содержания, уточняет Смит [7, с. 33 -34]. Иначе не возможно было бы пояснить возрождение этнических связей и общностей, не смотря на изменение границ и культуры в отдельных случаях. Тем самым, этническая принадлежность соединяет в себе как устойчивость, так и текучесть, тогда как исследователи обращают внимание либо на то, либо на другое. Н. Черныш и Е. Ровенчак отмечают, что сложные социокультурные системы характеризуются ростом внутренней дискретности и гетерогенности. Одним из проявлений чего выступает разрыв географического, социального и культурного признаков идентичности и образование новых конфигураций. [3, с. 44]. Фрагментарная идентичность (на основе би- поли- культур, легко сочетающихся в образе «Я» современной личности) есть отражение и порождение фрагментарной мультимедийной мозаичной постмодерной культуры постиндустриального общества. Такая идентичность может быть переходной формой, а может быть постоянным состоянием личности, она хотя и близка по признакам к диффузной, но отличается большей определенностью и устойчивостью.

6 тип – Негативная идентичность (понятие предложенное П. Гнатенко и Л. Гудковым), нам больше нравится название «Виктимная или дистанцированная идентичность». Речь идет о влиянии на процесс идентификации внешних оценок этноса в целом представителями этнического большинства и других групп. Формируется виктимная или дистанцированная идентичность через два механизма: 1. Желание избрать другую идентичность разными способами уйти (дистанцироваться) от своей «врожденной» идентичности, при этом на себя или свой этнос принимается «негативный и дискриминирующий стереотипный образ», который распространяется представителями других групп. Например, молодой человек, узнав в 23 года, что он еврей, был поражен и спрашивал, «а как же меня взяли в пограничные войска»? Способы ухода – маргинализация, аккультурация или ассимиляция, уже описанные выше. 2. Второй путь – отрицание или игнорирование негативного образа, навязываемого представителями других этнических групп как не справедливого и не верного, желание «опровергнуть» или «доказать» обратное, что может вызывать межнациональные конфликты в межличностных отношениях и объяснять неудачи собственной биографии неприятно к этносу (психология жертвы). Здесь также два варианта: а) «изоляция, замыкание в своей локальной или островной культуре», этноморфизм или б) «интеграция в культуру большинства при сбережении своей культуры», «двойная идентичность» или «поликультурность». Такой тип идентичности наиболее

распространен в крупных городах среди евреев, ромов, азербайджанцев и др. С точки зрения многих ученых, в частности Н. Хатник, неправомерно говорить о влиянии членства в группе этнического меньшинства на индивидуальную самооценку. Можно говорить лишь о влиянии на оценку этнической группы, к которой индивид принадлежит, на степень принятия ее или отторжения (степени этнического самосознания или уровня интроекции – ощущения себя неотъемлемой частью группы) [9, с. 49]. Мы проверяли это через вопрос: «Гордишься ли ты принадлежностью к...(название этноса)?», важна ли для тебя этническая принадлежность, где и в чем она себя проявляет, а также желание сохранить ее и передать детям, чувство сопричастности и солидарности со своим этносом. В первом случае – его нет, во втором – есть.

7 тип – Маргинальная или номинальная идентичность часто возникает в результате аккультурации личности к доминирующей культуре, но последняя в полной мере не освоена. Так же порождается желанием принадлежать к большинству, а не меньшинству, но кроме самоопределения ничем не подкрепляется. Такое желание может быть результатом негативного предубеждения и установок доминирующих этнических групп может быть заключительной или промежуточной стадией в процессе ухода от негативной идентичности (см. выше) навязываемой со стороны, но принимаемой личностью. Маргинальная этническая идентичность чаще встречается среди выходцев из смешанных семей и мигрантов второго и третьего поколения. Для маргинальной идентичности, по мнению Н. Шульги, характерно то, что в ее сознании и поведении присутствуют нормы и ценности первоначально усвоенной культуры и вновь осваиваемой [2, с. 126]. На наш взгляд, маргинальная идентичность отражает скорее положение личности между культурами, а не в двух культурах одновременно, последнее мы относим к фрагментарной или мозаичной идентичности.

Представленная нами типология является не полной и будет еще уточняться. Также следует учитывать, что в реальности эти типы идентичности существуют в смешанных формах и разных комбинациях. А в процессе трансформации идентичностей личность может переходить от одного типа к другому или возвращаться к прежним типам идентичностей.

Опять же предварительно позволим себе назвать основные механизмы формирования данных типов этнических идентичностей.

1. «Укоренение» формирует примордиальные, ориенталистские типы идентичностей, локализованные в узких территориальных рамках, часто связанное с компактным расселением нацменьшинств, особенно характерное для сельских поселений Украины (венгры Закарпатья, болгары Приазовья, греки Приазовья и т.д.).

2. «Возвращение к истокам» формирует традиционные эссенциалистские типы идентичностей. Именно тут этническая идентичность часто подкрепляется религиозной или фольклорной культурой.

3. «Культурный выбор». На основе самостоятельного свободного культурного выбора, предпочтение той или иной культуры, иногда не своего этноса или формирование би-культурной компетенции в поликультурном современном социальном пространстве выражается через такие идентичности: «я наполовину русский, наполовину поляк» или «я – украинский еврей» или «я считаю себя полькой, а родословная не имеет значения, потому, что в нашей религиозной общине меня принимают как свою».

4. «Самоопределение» сугубо субъективное, игнорирующее любые объективные признаки. «Мама у меня – белоруска, папа – осетин, а я считаю себя украинкой», но при этом ни язык, ни история, ни литературы, ни обычаи и традиции украинского этноса не известны личности и не применяются в повседневной жизни. Такое самоопределение формирует номинальный и маргинальный тип личности.

4. «Виктимизации» (психология жертвы), компенсируемое «этноморфизмом» – замыкание в культуре своего этноса, предпочтение в повседневном общении представителей своего этноса и т.д.

5. «Культурная мозаика» или эклектизм приводит к предпочтению над- этнической идентичности (советской, космополитической) или диффузной (размытой) и подвижной, к которой, действительно, применимы определения «зонт солидарности» и «маски идентичности» маргинального типа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. – № 4, С. 5-23.
2. Шульга Н.А. Этническая самоидентификация личности. К.: Основи, 1996. – 197 с.

3. Черниш Н., Ровенчак О. Варіації на тему ідентичності для соціокультурного оркестру// Соціологія: теорія, методи, маркетинг, 2007. – №1. – С. 33-49.
4. Ручка А. Орієнтири концептуалізації ідентичності // Соціокультурні ідентичності та практики / За ред. А. Ручки. – К., 2002. – С. 10-97.
5. Geist V. Sociologicky slovník. — Praha, 1992.
6. Castells M. The information age: economy, society and culture. Vol.3. The power of identity. — Blackwell Publishers Inc., 1999. – С. 3-56.
7. Е.Сміт. Національна ідентичність. – К.: Основи, 2002, – 225 с.
8. Кого считать евреем? Критерии национального самосознания // Запорожские еврейские чтения. Вып.2, ЗГУ, раздел 4, 1998. – С. 74-81.
9. П.И. Гнатенко, В.Н. Павленко. Идентичность: Философский и психологический анализ. – Киев, 1999. – 466 с.
10. Соціокультурні ідентичності в контексті глобалізаційних перетворень (д.ф.н.А.Ручка)// Культура, суспільство, особистість. – Київ: ІС НАНУ, 2006. – С.7-49.
11. Greetz C. Old Societies and New States: the Quest Modernity and Asia and Africa. – Free Press, 1963 – 467 с.
12. Круглый стол в Институте социологии НАН Украины «Идентичности в трансформирующемся обществе» //Соціологія: теорія, методи, маркетинг, – 2005. – №7. – С. 180 – 185.
13. Jenkins R. Social identity. – London: Routledge, 1996. – 378 с.
14. Алексеева Н.И. Некоторые особенности сопереживания в раннем онтогенезе// Проблемы формирования ценностных ориентации и социальной активности личности: Межвуз. сб. научн. тр. – М., 1984. – С. 30-44.
15. Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998 –179 с.
16. Institute Superior de Ciencias do Trabalho e da Empresa// Portugal British Journal of Social Psychology. Lisbon, – 2001, – Printed in Great Britain, 2001. – The British Psychological Society, С. 10-130. (Перевод на русский язык автора).
17. Шинкаренко Ю. Ідентичність і життєвий світ у контекстах сучасних цивілізаційних змін // Філософська думка. – 2002. – №1. – С. 68-83.
18. Современное состояние и динамика развития неkomмерческого сектора Самарской области.– Самара,- ИЭКА «Поволжье», 1998. – 286с.
19. Етносоціальні трансформації в Україні. Під. ред. Б. В. Попов — К.: Український Центр духовної культури, 2003. — 308 с.
20. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ// Социологические исследования, 2004. – №10. – С. 18-30
21. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС, 1995. – № 4. – 3-14.
22. Арутюнян С. Концептуальный анализ феномена идентичности и особенности ее формирования, развития и проявления. Автореф. докт. дисс. психол.наук.– Ереван, 2007. – 41 с.

SUMMARY

In the article given the author analyzes the scientific theories and concepts of identity, common in modern literature and formulates her own concept of ethnic identity and the ways of its formation in the Ukrainian society, by the example of ethnic minorities. On the basis of social empirical research of the author and other scientists, as working hypotheses the author has developed seven types of identity of national minorities of Ukraine in the post Soviet period and the five mechanisms of their formation have been identified.

О. С. ГАЛУШКО

АНТИЦИПАЦІЯ І СОЦІАЛЬНЕ ПРОЕКТУВАННЯ

Розглянемо онтологічну сутність проектування. Це актуальна проблема, тому що в наш час, багато проектів не мають під собою реальної основи. Тим самим їхній конструктивний потенціал для суспільства примушує бажати кращого. За онтологічний базис проекту візьмемо антиципацію.

Антиципація (лат. Anticipo – передбачаю) – передбачення, заздалегідь складене представлення про щось [7, с. 35].